РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП И ИВАН ГРОЗНЫЙ
ПРОВИНЦИЯ

Дмитрий Михайлович Володихин

Митрополит Филипп и Иван Грозный

Серия «Россия Православная»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17042206
Володихин, Д.М. Митрополит Филипп и Иван Грозный: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-5944-3, 978-5-4444-8278-0

Аннотация

Книга известного писателя и историка Д.М. Володихина посвящена острому моменту нашей истории: конфликту между царем Иваном Грозным и митрополитом Филиппом – монаршей властью и Митрополичьим домом. Основная причина раздора двух иерархов – опричнина, «вольное самодержавие», которое виделось царю единственной законной формой власти в христианском государстве. Это было время разгула «псов государевых», лютых пыток и казней. Однако митрополит Филипп, приняв систему и сан митрополита в ней, не побоялся заявить самовластному правителю, что государь обязан соблюдать Заповеди Божии с той же строгостью, что и последний нищий на храмовой паперти. Он заступается за жертв бесчинств, творимых по указке царя его приспешниками…

Содержание

Вместо предисловия 5
Из рода бояр московских 6
Соловки 12
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дмитрий Михайлович Володихин
Митрополит Филипп и Иван Грозный

Книга выпущена в рамках совместного проекта Издательского дома «Вече» и Издательского дома «Провинция»

© Володихин Д.М., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Вместо предисловия

Церковь на Руси переживала разные времена. Несколько веков вела она тяжкую борьбу с язычеством, и, бывало, гибли епископы, проповедовавшие веру Христову…

В древнюю, домонгольскую эпоху митрополит Киевский и всея Руси, желая благого устроения для своего «духовного стада», шел к великому князю. И тот, светский владыка бескрайней страны, жаловал владыку духовного.

Но вот распалась огромная Русь на множество обособленных княжеств и независимых земель. Власть великого князя киевского обратилась в ничтожество. Пришли монголо-татары, разорили Киев, установили иго ордынское. Митрополит перебрался во Владимир.

Держава долго собиралась, чтобы освободиться от Орды. И тогда, в XIV–XV столетиях, роль Церкви поднялась необыкновенно высоко. Не было мира и единства среди наших князей. Брат шел на брата, приводил на русские земли иноплеменников, иноверцев и вместе с ними жег города. Государство обратилось в одеяло, непрочно сшитое из множества разноцветных лоскутов. Одна лишь Церковь оставалась единой. В Твери, Рязани, Суздале, Ростове, Белоозере, Москве сидели разные князья. Только митрополит для всех этих княжеских «столиц» был один. Его слово по-прежнему звучало на всю Русь. Единство Церкви стало главной скрепой для единства русского народа. И выбор Москвы как митрополичьей резиденции закрепил за ней первенство среди городов русских.

В середине XV века наша Церковь перестала зависеть от Константинопольского патриарха. Митрополитов больше не назначали греки, их ставил собор наших епископов. Чуть позже на месте «лоскутного одеяла» раздробленной Руси появился прочный монолит Московского государства. У единой Руси вновь был единый государь.

Монаршая власть московская и Митрополичий дом долго, трудно, в спорах и примирениях строили отношения между собой. Менялись люди на московском престоле и на митрополичьей кафедре. Церковь понемногу уступала светским правителям политическую силу и власть над многими делами, исстари пребывавшими в ее ведении. Порой она страдала от самовластия московских государей. В иные времена жила с ними в «симфонии» – добром мире и соработничестве.

Но всегда и неизменно за нею признавалось право духовного пастырства по отношению к людям, восходившим на трон. Никакой закон не ограничивал власть московских самодержцев. Но они, так же, как и любой из их подданных, должны были предстать после смерти перед Высшим Судией и ответить за грехи, совершенные при жизни. Государь – такой же христианин, как и все подвластные ему христиане. Государь обязан соблюдать Заповеди Господни с той же строгостью, что и последний нищий на храмовой паперти. Вот об этом Церковь и должна была напоминать самовластным правителям. Даже если за такое напоминание приходилось расплачиваться властью, свободой, жизнью…

Митрополит Филипп заплатил эту цену. Грозного, неистового царя Ивана Васильевича он не побоялся пасти посохом железным и тем вошел в народную память.

Из рода бояр московских

11 февраля 1507 года в аристократическом семействе Колычевых появился на свет младенец мужеска полу. Его крестили, дав имя Федор – в честь древнего святого Феодора Стратилата, небесного покровителя служилых людей по отечеству, как называли в ту пору дворян. Память Феодора Стратилата отмечается всего несколькими днями ранее, вот родители и вспомнили подходящего святого для новорожденного мальчика.

Древнее семейство московских бояр Колычевых происходило от знатного человека Андрея Кобылы, служившего московским князьям еще в середине XIV столетия. Семейство постепенно разрасталось, из поколения в поколение его представители занимали важные административные и военные посты. Некоторые из них служили «на великого государя» московского, прочие же оказались на службе при дворах удельных князей Московского правящего дома. В XVI столетии семейство «служилых людей по отечеству» Колычевых имело множество ответвлений. Одно из них именовалось «Лобановыми-Колычевыми». Именно к нему восходит родословие будущего митрополита Филиппа.

Ее основатель, Иван Андреевич Колычев, по прозвищу Лобан, был крупным новгородским помещиком и важным человеком при дворе Ивана III Великого. Будущему митрополиту он приходится дедом.

Сын Ивана Андреевича Степан (Стефан) унаследовал от него земельные владения на Новгородчине, да и родился где-то в новгородских землях. Он также пытался делать карьеру, но достиг куда меньших успехов. Кроме него у Ивана (Лобана) Колычева было еще четверо сыновей, поэтому богатства отца при дележе наследства распылились, и то, что досталось каждому из братьев, не могло служить надежным трамплином для возвышения. Каждый должен был самостоятельно выслуживать новые поместья и вотчины. О карьере Степана Ивановича известно крайне мало. Таких высот, как отец, он не достиг, но одно время, видимо в 30-х или 40-х годах XVI века, был дядькой (воспитателем) у Юрия – брата государя Ивана IV. Отец Юрия, великий князь Василий III, благоволил Колычеву.

Житие святого Филиппа говорит о его отце в самых общих словах, как о знатном и благочестивом советнике Василия III, «…украшенном многими добродетелями, исполненным ратного духа, большом знатоке Божественных заповедей и государевых законов (исправлений)».

Мать будущего митрополита звали Варварой, и в конце жизни она постриглась в монахини, приняв имя Варсонофия. Автор Жития ласково именует ее «многоцветущей и плодовитой лозой». Что ж, детьми эту женщину Бог и впрямь не обидел. В популярной литературе ее называют «набожной женщиной», опираясь на сам факт принятия ею иноческого сана. Но постриг может объясняться совершенно иначе: после смерти мужа и ухода старшего сына Федора в монахи ей не на кого была опереться, и монастырь оказался наилучшим исходом. Уход в монашество после кончины супруга было обычным делом среди русских женщин старомосковской эпохи.

О семейном быте четы Колычевых Житие сообщает в нескольких строках: супруги соблюдали закон Божий и Заповеди евангельские, жили в достатке, много жертвовали «сирым и убогим», были глубоко верующими людьми и любили друг друга. Вот и всё.

Помимо Федора, у Степана Ивановича было еще трое сыновей: Прокофий, Яков и Борис. Все четверо числились в новгородских помещиках. Из них первые три сына ушли из жизни бездетными. Быть может, Прокофий и Яков умерли рано – на государевой службе их не видно, во всяком случае, заметного положения они не добились.

Изо всех продолжил род только Борис. Вообще, Борис Степанович Лобанов-Колычев, в отличие от отца и старшего брата, пошел по традиционному пути служилых аристократов.

Это был военный человек, к зрелым годам выслуживший воеводские назначения. Он был таков, каким предстояло стать Федору Колычеву и каким он никогда не станет. Младший сын в каком-то смысле заменил старшего, прожил его жизнь…

Между 1559 и 1561 годами его биография пресеклась. Как – неизвестно.

В 1561 году Филипп вписал в заупокойный помянник Соловецкого монастыря имена своего отца Степана, матери, инокини Варсонофии, и брата Бориса. Как судьба обошлась с двумя его другими братьями – Прокофием и Яковом, – остается только гадать. Возможно, к тому времени они все еще были живы, но с той же вероятностью могли умереть намного раньше, еще в юности, и потому не попали в соловецкий помянник{ По сообщению писателя-краеведа Романа Гацко, отец и мать святителя похоронены в селе Ворсино-Колычево под Подольском.}.

Огромное, разветвленное семейство Колычевых в XVI столетии процветало на службе. А если сложить воедино все поместья и вотчины, которыми владели его представители, то получится территория небольшой европейской страны. Биографии Степана и его сына Федора выпадают из общей судьбы рода.

По роду своему Федор Степанович мог претендовать на высокие посты в армии или при дворе. Как старший из братьев, рожденный старшим из братьев предыдущего поколения, он оказался во главе всей ветви. И что же? Ни один документ ни единого раза не упоминает его на военной службе. Ни один документ не свидетельствует о том, что Федор Степанович занимал какой-то административный пост. Это необычно. Может быть, он до тридцати лет просто не успел подняться высоко? Что ж, вероятно… и всё же надо учесть одну особенность старомосковской цивилизации: юноши-дворяне начинали службу с очень раннего возраста. В пятнадцать лет они уже могли быть призваны в поход «конны, людны, оружны». Стало быть, к тридцати годам у Федора Степановича уже было за плечами полтора десятилетия службы. Никак не меньше. Так почему же он остался невидим для разрядов?

Выдвигались гипотезы, согласно которым Федор Степанович мог оказаться на службе у князей Старицких – удельной родни Василия III. Или, скажем, у Юрия Дмитровского – другого удельного князя. Документы, где записывались службы при удельных дворах, не дошли до наших дней, так что проверить это предположение невозможно. Оно и по сути неправдоподобно: если Степан Колычев служил Василию III, зачем ему было определять сына-первенца ко двору удельного князя? Ведь служба при удельном дворе по определению «честью ниже», чем служба при великокняжеском. Что же он, не хотел добра крови и плоти своей? Но и отвергнуть эту идею напрочь тоже нет оснований. Кое-кто из родни Федора Степановича служил тогда у Старицких…

К тридцати годам Федор Степанович мог уйти в монахи, поскольку не был женат. Ясно только одно: у него не было супруги в тот момент. Но была ли она раньше? Прийти к тридцатилетнему рубежу, не отведав брака, – крайне необычный выверт в судьбе знатного мужчины XVI века. Одно из двух: либо до принятия пострига будущий митрополит все-таки был женат, но его супруга рано умерла, не подарив ему детей (а генеалогические памятники говорят о его бездетности); либо он с юных лет подумывал о судьбе инока и потому сознательно уклонялся от брачных уз, а отец не стал его неволить. Если верно второе, то Степана Ивановича надо считать человеком большой мудрости и удивительной мягкости: он согласился с нежеланием сына-первенца продолжать род, хотя это шло вразрез с обычаями служилой аристократии.

Житие говорит о юных годах Федора Колычева следующее: он сторонился «пустошных игр», любимых другими детьми, предпочитая им «книжное учение». Родители приохотили его к «художной хитрости – Божественному писанию», и мальчик полюбил читать. Степан и Варвара Колычевы ласкали сына и баловали его.

В декабре 1533 года скончался великий князь Василий III. Тогда Федору Степановичу было почти 27 лет. В 1537 году некоторые представители семейства приняли участие в мятеже удельного князя Андрея Старицкого и после его подавления жестоко пострадали. В светской исторической литературе укрепилось мнение, согласно которому позор и унижение рода, а может быть, и прямая опасность для самого Федора Степановича, стали главной причиной, подвигнувшей его бросить мир и обратиться в инока. Церковные писатели, используя иные слова, говорят примерно о том же: молодой мужчина испытал, каковы слава и богатство, а затем на примере близких людей увидел, как тленны они, сколь быстро они отымаются; это привело его к душевному кризису, из которого он вышел монахом. Подобное мнение высказал еще в середине XIX века Преосвященный Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский.

Но… вот беда: никто не знает, оказал ли действительно мятеж Старицкого, а потом и его разгром столь сильное воздействие на личность Федора Колычева. Ни один источник не говорит об этом прямо.

Действительно, по горячим следам проводилось расследование. Бояр Андрея Старицкого осрамили торговой казнью и бросили в темницу. Новгородцев, перешедших в лагерь князя Андрея Старицкого, предали смерти. Среди сторонников мятежного князя отыскалась целая гроздь Колычевых, и с ними распорядились сурово. Прежде всего, торговая казнь{ Проще говоря, он отведал кнута.} обрушилась на Ивана Ивановича Колычева-Лобанова, основателя ветви Умных. А он приходился дядей Федору Степановичу. Во главе новгородских помещиков, пришедших на помощь Андрею Старицкому, стояли Андрей Иванович Колычев-Пупков и Гаврила Владимирович Колычев, а с ними еще три десятка дворян пониже рангом. Оба приходились Федору Степановичу родней, хотя не столь близкой, как Умной. Они закончили жизнь страшно. Их били кнутом, а потом повесили, расставив виселицы по дороге от Москвы до Новгорода. Из их тел сделали предупреждение всем тем, кто мог еще осмелиться на бунт против вдовствующей великой княгини…

Как должен был относиться Федор Степанович к этим событиям? Естественно предполагать, что он скорбел о казненных родственниках, жалел дядю, терзался, видя, какое пятно легло на честь всего семейства. Тень мятежа легла, как станут говорить в XX столетии, на «членов семьи». А это, помимо нравственного унижения, грозило серьезными материальными потерями. Тех, кто оказался подозреваемым в склонности к мятежу и, тем более, в прямой связи с заговорщиками, могли запросто лишить вотчин и поместий, отправить в ссылку, а главное, отобрать выслуженные чины. Испытав подобный удар, знатный род мог надолго уйти в тень, «захудать», потерять высокий статус. Так, например, на протяжении большей части XVI столетия князья Пожарские, высокородные Рюриковичи, не вылезали из опал и никак не могли подняться к высоким чинам… Поэтому все семейство – виновные и невиновные в мятежных деяниях – должно было трепетать в предчувствии больших бед. Нет никаких сведений об участии Федора Степановича в мятеже князя Старицкого. Так же, как и том, что он в чем-то был ущемлен после подавления бунта. Но как «члену семьи» ему было чего бояться.

Преосвященный Леонид в своем прекрасном труде о святом Филиппе рисует образ молодого мужчины, обреченного на страшное душевное испытание: «Больно было Феодору несчастие кровных, позор фамилии. Его благородному, возвышенному сердцу стало невыносимо оставаться в придворной службе, в присутствии наглого любимца, и тут-то он сожалел, может быть, что не уклонился заранее к безмятежному брегу жизни монашеской. Внутреннее состояние его было тяжело, и нужно было успокоить смятенную, взволнованную душу». Прекрасные слова! Как хочется им поверить! «Наглый любимец» – фаворит Елены Глинской, князь Иван Телепнев-Оболенский, по прозвищу Овчина, действительно, сыграл в деле князя Старицкого центральную роль. Поведение его и тесные отношение с вдовству-

ющей великой княгиней вызывали крайнее раздражение у старомосковской служилой знати того времени. Кое-кто даже позволял себе говорить гадости о происхождении сыновей Василия III: мол, не староват ли был великий князь для такого дела? Не делит ли Овчина с ним отцовство?

В апреле 1538 года Елена Глинская умерла. Регентша отошла в мир иной задолго до того, как увядание коснулось ее тела. Она была молода, и ничто не говорит о скверном здоровье великой княгини… Может быть, не настолько уж неправдоподобны предложения, согласно которым одна из придворных «партий» нешумно «помогла» ей завершить земной путь? Впрочем, это из области догадок. А вот уже твердо установленный факт: после кончины Елены Глинской с ненавистным фаворитом Овчиной расправились моментально. На протяжении нескольких лет он был всесильным человеком, но сразу после того, как исчезла поддержка государыни, любимец ее сделался мертвецом.

Это лишний раз доказывает, сколь дурно относились в аристократической среде к правительнице, сколь непопулярна была она на протяжении пяти лет владычества… И, в конечном итоге, с какой неприязнью служили ей.

Таким образом, вроде бы и с духовной точки зрения, и с точки зрения политической есть основания предполагать, что дело о мятеже князя Андрея Ивановича прямо повлияло на выбор молодым Федором Колычевым иноческой жизни. Очень похоже. Да.

Но нельзя забывать одно простое правило: после того – не значит вследствие того. После 1537 года Федор Степанович Колычев оказывается монахом Филиппом. Однако нет прямых и точных подтверждений тому, что он стал иноком вследствие событий 1537 года.

Более того, существует несколько серьезных доводов, работающих против этой схемы.

Во-первых, Житие ни слова не говорит о каких-то страданиях дворянина в связи с участием родни в мятежных делах. Там вообще не упоминается бунтовская история, в которой замешаны были Колычевы. Ни летописи, ни послания самого Филиппа, ни какие-либо иные документы не дают даже намека на связь между событиями 1537 года и постригом Федора Степановича в монахи. Эта связь установлена гипотетически, не более того.

Во-вторых, на протяжении нескольких десятилетий семейство Колычевых проявляло необыкновенную живучесть и, если угодно, непотопляемость! Положение его при дворе отнюдь не рухнуло в одночасье из-за «дела Старицких». Колычевы сохраняли высокое положение при дворе все годы правления Ивана Васильевича, да и после его смерти. Положение любого рода при дворе в значительной степени было результатом бойцовых качеств его представителей. Трудно было пробиться в «высшую лигу» власти, однако еще труднее остаться там надолго. Временщики приходили и уходили, но несколько десятков семейств постоянно сохраняли в своих руках бразды правления страной, разделяя их только с монархом. Колычевы были именно среди этих семейств, и они умели грызться за свое высокое положение, умели отстаивать его. Они научились использовать все возможности, чтобы удержаться на вершине. Поэтому все сказанное выше о «предчувствии больших бед» может быть повернуто другим боком: кто готов бороться за себя, тот вылезет из тяжкой опалы. Потребны только воля, связи и уверенность в собственных силах. Федор Степанович, допустим, мог опасаться крупных неприятностей в связи с мятежом князя Андрея Старицкого; но в такой же степени он мог испытывать надежду на то, что эти неприятности он переживет, выкарабкается. А не он сам – так более удачливая родня, которая не даст пропасть окончательно.

На основе чего установлена связь между постригом Федора Колычева и бунтом князя Андрея Ивановича? Только на основе сопоставления чисел: Федор Степанович Колычев обернулся монастырским послушником, когда ему было тридцать лет, а тридцать лет ему сравнялось в начале 1537 года, за несколько месяцев до московско-старицкого конфликта. Как об этом говорится в Житии? «Егда же приспе в совершеньство мужа в тридесят лет воз-

раста своего…» Но могло быть и самое простое совпадение, никак не связанное с политическими бурями смутной эпохи.

Итак, связь между уходом Федора Степановича в иночество и мятежом Андрея Старицкого должна быть поставлена под серьезное сомнение.

Само Житие пишет об окончательном решении молодого Колычева пойти в монахи совершенно иначе. Однажды он стоял на литургии, слушал иерея, читавшего Евангелие, и в сердце его неожиданно запали слова: *Немощно убо человеку единем оком на землю зрети, а другим – на небо, ни двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другога возненавидит; или единаго держится, а о друзем же нерадети начнет.* В другой редакции Жития все это звучит значительно проще: там цитирование евангельского чтения останавливается на слове «работати».

Именно с того времени Федор Степанович принялся «усердно размышлять» о своей жизни, а вслед за тем начал искать иной участи.

Но что значит это место в Священном Писании? Более всего оно похоже на пересказ Нагорной проповеди Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Для того, чтобы увидеть смысл цитаты, понятный любому книжнику XVI столетия, стоит привести это место из Евангелия полностью: *Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, – тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды?* (Мф. 6, 22–25). Как указал еще Преосвященный Леонид, чтение Евангелия на 18-е зачало от Матфея происходит в воскресенье, на второй неделе по Пятидесятнице{ Для 1537 года этот день приходится на 3 июня.}. Впрочем, это могли быть и слова проповеди, где высказывание преподобного аввы Исаии: «Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим – на землю, так и уму нельзя пещись и о Божием, и о мирском. Что не будет помощно тебе, когда выйдешь из тела, о том стыдно тебе пещись», – священник использовал в качестве толкования на Евангелие.

Эти слова расшифровывают внутреннее борение, происходившее внутри молодого Колычева. Не мятеж, как видно, подвигнул его к иноческому пути, а долго вызревавшая нелюбовь к обязанностям царедворца, к участию в той самой «грызне» за чины и доходы. Таким образом, не стоит искать внешних событий, так или иначе влиявших на личность будущего митрополита. Ведущую роль сыграли глубинные психологические процессы, душевные движения, шедшие долго – все те годы, пока формировалась личность молодого мужчины. На него повлияла вся совокупность впечатлений, полученных им за многие годы, продуманных, прочувствованных, обращенных в строительный материал для возведения собственных предпочтений.

Вторая половина XV – начало XVI века подарили нашему народу множество прославленных подвижников. Пылало благодатное пламя воспоминаний о Корнилии Комельском и Александре Ошевенском, о Пафнутии Боровском и Михаиле Клопском, о Зосиме, Германе и Савватии Соловецких, о Ниле Сорском, об Иосифе Волоцком, о яростном Геннадии Новгородском. О них знал, об их участи мечтал молодой Колычев. Преподобного Иосифа он в детские годы мог видеть. В годы молодости Федора Степановича совершали монашеские подвиги Александр Свирский, Антоний Сийский и Нил Столобенский. В 1518 году в Москву приехал великий книжник Максим Грек – некоторые полагают, что Федор Степанович встречался с ним. Это весьма возможно; во всяком случае, его труды молодой Колычев

мог читать. В 20-х годах на митрополии пребывал книжник-иосифлянин Даниил – противоречивая личность, но, во всяком случае, один из ученейших людей своего времени.

А за их спинами источала сияние фигура духовного богатыря – преподобного Сергия Радонежского, окруженная целой дружиною его учеников.

Какие еще причины требовались русскому человеку того времени, чтобы уйти в монастырь, помимо блистательного примера этих людей, их самоотверженного иноческого делания? Нужно ли приплетать обстоятельства жизни одного мятежного князя, чтобы понять причины пострига еще одной личности, которой суждено было стать новым светильником нашего духовенства? До возмужания молодого Колычева и при его тридцатилетии в России жили великие иноки, слава о них прокатывалась по стране из конца в конец. Одно это дает достаточный повод для выбора монашеской рясы вместо кольчуги и шлема.

Если вернуться к словам, услышанным Федором Степановичем в храме, во время богослужения, и представить себе, как мог воспринять их молодой Колычев, станет ясна тревога, ожегшая ему сердце. Как совместить в одной душе два идеала: ценности дерзновенного иночества, взыскующего сокровищ небесных, и потуги служилой аристократии, пытающейся в годы нестроения приобрести от близости ко двору блага земные – земельку, чины, влияние на дела? Естественно, ослабление идеала честной службы производило тяжелое впечатление на Федора Степановича. Будущие его деяния покажут: по характеру своему он был прям и не терпел искажений истины. Трудно же ему приходилось с этой прямотой в мутные годы интриг и свар! Каково было ставить в нерасторжимую близость твердо усвоенные приоритеты доброго христианина и всё это?! Натура более гибкая нашла бы возможность компромисса, договорилась бы как-нибудь с собственной душой. Но на будущего митрополита глядели отовсюду лики святых, немо укоряя: «Отчего ты служишь мамоне? Служи Христу!» И этому укору он хотел бы подчиниться, ибо так выходило честнее.

Богомольный человек, с юности книжный, влюбленный в слово духовное, Федор Колычев предрасположен был к иночеству. Раздвоение между службой и мечтами о рясе, как видно, давно тяготило его. Не хватало явного знака; ударившись духом о евангельские слова про служение «двум господам», он и воспринял их как знак, поданный свыше.

Так свершился его выбор.

Соловки

Итак, во второй половине 30-х годов Федор Степанович Колычев превратился в инока Филиппа, на всю жизнь связав себя с монашеским бытом. Житие говорит о том, что он пустился в путь на север, заранее поставив себе целью добраться до Соловецкого монастыря. Зная о монашеских подвигах Зосимы и Савватия Соловецких, он имел представление и о жизни ими основанной обители, «…еже бе во удалении от людей в северной стране, край вселенныя, во окиянстей пучине». Ему было известно о том, что на благословенные острова в Белом море «…многие… с верою притекают на исправление своим единородным и безсмертным душам не токмо иноки, но и мирские людие».

Итак, молодой Колычев решил постричься в одной из самых дальних обителей, притом живущей в исключительно трудных условиях. Между тем из трех основателей Соловецкого монастыря двое – святые Савватий и Зосима – будут канонизированы лишь в 1547 году, а третий – святой Герман – только в XVII столетии. Великую славу обитель получит как раз в ту пору, когда игуменом станет человек, пока бредущий бесконечными дорогами на север…

Однако уже в ту пору монастырь на островах пользовался доброй славой. Первые паломники посетили его при игуменстве Зосимы, умершего еще в 1478 году. На Новгородчине о Соловках знали очень хорошо, тамошний владыка Макарий покровительствовал соловецким инокам, а Федор Степанович и многие его родичи как раз являлись новгородскими помещиками. Но в какой-то степени знакомы были Соловки и москвичам.

Во-первых, почитание Зосимы и Савватия началось гораздо раньше их общероссийской канонизации, и в русской монашеской среде они были известны задолго до того.

Во-вторых, в конце 70-х годов XV века Новгородскую область присоединил к своим владениям государь московский. За десяток лет до падения Новгорода, в 1468 году, монастырь получил от новгородского правительства в вотчину весь архипелаг. Теперь государь Иван III, завоеватель Новгорода, должен был определить статус этих владений. 7 февраля 1479 года в Москве была подписана грамота, где игумена и братию жаловали: «…ведают те островы и пожни, и тони, и лешие озера, и страдомую землю по старине те игумен и старци, которые учнут служити в том манастыре у церкви Святого Спаса, и у Пречистые Успенья, и у святого Николы». Теперь братия не владела архипелагом, а «ведала» его и за пользование им обязывалась служить в роли государевых богомольцев. Таким образом, Соловки превратились в великокняжескую обитель. А к таким монастырям Москва относилась с повышенным вниманием.

В столице России и в Новгороде Великом репутация соловецких иноков стояла тогда высоко. Следовательно, нет ничего необычного в том, что Федор Степанович среди множества знаменитых монастырей Руси выбрал именно этот, относительно молодой. И не только выбрал, но и отправился туда пешком.

Житие сообщает, что родня Федора Степановича разыскивала его повсюду. Как видно, его уход стал для семейства Колычевых полной неожиданностью. «Беглеца» найти не удалось, а вестей о себе он долгое время не отправлял – покуда не укоренился на Соловках. Его даже оплакали, будто мертвеца… Так что все приведенные выше соображения о репутации Соловецкого монастыря совершенно равноправны с гораздо более прозаическим обстоятельством: Колычев-младший стремился туда, где его не найдут, а если найдут, то вряд ли выцарапают. Родители могли настоять на возвращении первенца, и это поставило бы крест на его послушничестве. Но… в конечном итоге Соловки оказались достаточно отдаленным местом.

Однако до прибытия на острова ему еще предстояла долгая и трудная дорога через всю Новгородчину, а затем по Белому морю. Федор Степанович отправился налегке, не взяв

с собой ни денег, ни сменной одежды, ни даже походного мешка. По выражению Жития, «верою токмо и добродетельми обогащься». Для человека, привыкшего к достатку, к слугам, к богатому столу, это серьезное испытание.

Как видно, оказавшись в северных областях Новгородской земли, молодой Колычев изнемог. У него не было ни сил, ни средств, чтобы добраться до Соловков, и лишь предельное напряжение воли заставляло его продолжать движение. Однако у Онежского озера он все-таки вынужден был остановиться.

Ему посчастливилось найти доброго человека, давшего жилье и работу. Им стал некий Сидор (Исидор) Суббота, житель прионежской деревни Кижа, или Марковская. Землеописания XVI века полностью подтверждают это сообщение Жития. Действительно, у северного побережья Онежского озера стоял Спасский, погост в Кижах. Еще в 1560-х годах там жил черносошный крестьянин Сидорка Степанов, по прозвищу Суббота. Очевидно, именно он приютил измученного Колычева.

Суббота доверил своему тезке по отчеству пасти овец. И Федор Степанович не погнушался принять от своего тезки по отчеству столь простую работу, работу бедняка. Там, в Москве, знатный человек Федор Колычев, быть может, и не заметил бы скромного крестьянина с севера. Здесь, у Онеги, этот крестьянин играет роль сущего благодетеля, вероятно, спасшего исхудалого странника от голодной смерти. Будущий митрополит принял новый для себя труд со смирением. Таков был первый большой урок его монашеского пути: он поклонился человеку низкого звания, и через простого крестьянина Бог дал ему хлеб насущный. Надо ли добавлять, что Федору Степановичу, привыкшему жить на всем готовом, прежде следовало побороть дворянскую гордыню, а уж потом он набрался нравственных сил и отвесил низкий поклон простолюдину?

Неизвестно, как долго пастушествовал на Онежском озере молодой Колычев. Преосвященный Леонид считает, что он начал свое путешествие на север в июне, а закончил его на Соловках не позднее октября 1537 года, поскольку в дальнейшем погодные условия просто не позволили бы переправиться на острова. Таким образом, на все путешествие ушло около четырех месяцев. Сколько же он провел в пастухах у Сидора Суботы? Если судить по этим подсчетам, выйдет всего ничего: даже несколько недель… Закрадывается сомнение: а обратил бы составитель Жития внимание на столь незначительный эпизод в жизни святого Филиппа? Впрочем, может быть, и обратил бы – из-за красивой аналогии между ролью пастуха, каковую играл Федор Степанович Колычев, и ролью пастыря, каковую сыграет митрополит Филипп.

Но возможен и другой вариант: в 1537 году он просто не попал на Соловки. Да и способен ли столь неопытный странник, как Федор Степанович Колычев, да еще безо всяких запасов, пересечь страну в указанный срок, поработав между делом у зажиточного крестьянина…

Поднабравшись сил и, возможно, получив деньги на уплату переправы по морю, Федор Степанович добрался, наконец, до цели своего странствия. Но в каком году это произошло – в 1537-м или 1538-м, определить невозможно.

Чем встретили долгожданные острова бывшего аристократа, до смерти уставшего от бесконечного путешествия и горького нищенства?

В 30-х годах XVI столетия Соловецкая обитель ничем – в самом буквальном смысле! – не напоминала современный архитектурный комплекс, величественный и прекрасный. Более того, есть все основания предполагать, что Федор Степанович, сойдя на берег, увидел груду головешек и выкопанные наспех землянки – недавно обитель пострадала от большого пожара.

А увидев, – счастливо улыбнулся. Какое ему дело – каменные палаты, добротные избы, землянки, пещера или дупло в старом дубе! Новому Колычеву было абсолютно всё равно,

в каких условиях жить. Он прибыл куда хотел. Он был доволен. Вторая жизнь дышала прохладным ветерком в прорехи на изношенной одежде. Странник зябко поводил плечами.

Здесь ему предстояло провести три десятилетия.

Первые монахи – преподобные Савватий и Герман – появились на островах за столетие до того, в 20-х годах XV века. Святой Савватий принадлежал духовной школе преподобного Кирилла Белозерского, его присутствие у истоков обители протянуло нить между беломорскими «незнаемыми» местами и высокой иноческой культурой коренной Руси.

В непролазной чаще выросли келейки, поднялся деревянный крест. Озера давали пресную воду, леса – ягоды и коренья, море кормило рыбой. Хлеба тут при первых монахах просто не было, да и позднее с зерном бывали перебои. Огородничество на Соловках получило широкое распространение, но попытки завести пашню, посеять хлеб не привели к успеху. Пашню быстро забрасывали из-за того, что хлеб не вызревал. А вот рыбы – всегда вдоволь. Да и скотину разводили – в основном ради молока и шерсти. Еще били нерпу и выделывали нерпичью кожу… С поздней осени до середины весны архипелаг отделен от материка подвижными льдами; трещат морозы, снега наметает во множестве. До Кеми, где располагается ближайшая гавань, около 60 верст. Летом насельников одолевает злой соловецкий комар. Ветры вечно стоят над островами, словно десница Господня крутит ручку машины, испускающей воздушные потоки…

Бедность обители долгое время не позволяла строить каменные сооружения. До 50-х годов XVI века их, видимо, вообще не было на островах. Так что Федор Степанович застал нестройную толпу бревенчатых келий, сгрудившихся у трех деревянных церковок и окруженных невысоким деревянным тыном. Между тем братии в ту пору набиралось до ста человек или чуть менее. А это уже солидное число, даже для Центральной России – много.

Выше говорилось, что Колычев-младший мог увидеть на месте обители наскоро вырытые землянки да головешки. Это очень и очень возможно. Местный летописец сообщает: «В лето 7046. В вечер глубок погори монастырь Соловецкой весь до основания».

«В лето 7046» – означает: с сентября 1537-го по август 1538 года. Другой летописец уточняет: 1 мая 1538 года. Если взыскующий монашеской жизни дворянин не увидел бедствующих погорельцев сразу, то уж точно увидит их очень скоро. К тому же пожарное разорение обители затянулось надолго: строевой лес был редкостью на архипелаге, так что его не хватало даже на возобновление келий; приходилось доставлять бревна с материка. Так или иначе, великий пожар Соловецкий не поколебал решимости странника остаться на островах. Это показывает серьезность намерений и твердость воли будущего митрополита.

В 1468 году новгородские власти даровали небольшой монашеской общине всю землю Соловецкого архипелага. Но братия, хоть и была по внешней видимости богатым землевладельцем, располагала лишь дикими, скудно населенными территориями. А потому жила бедно, много трудилась, и никто не смел воротить нос от простой черной работы.

Как пишет современный историк, «…чтобы выжить на диком острове, соловецкой братии приходилось много трудиться “ручным делом”: копать землю, валить лес, “сечь” дрова, варить из морской воды соль, ловить рыбу, ходить на небольших судах по бурному и опасному морю, молоть привезенное с материка зерно… печь просфоры и хлеб. Продиктованный суровой необходимостью, этот постоянный и напряженный телесный труд со временем превратился в яркую черту духовной жизни на Соловках, станет восприниматься иноками как один из аскетических подвигов – наряду с молитвой и постом».

Необходимость «ручного дела» в значительных объемах для каждого инока к 30-м годам XVI века никуда не делась, и Федору Степановичу предстояло познакомиться с ней самым тесным образом.

Федор Степанович Колычев долгое время был простым послушником. Игумен Алексий (Юренев) поставил его на общие работы, наряду иными послушниками, никак не выделяя из их числа.

Житие передает этот период его судьбы в нескольких емких фразах: «И тружаяся со всяким усердием… и многие скорби и труды подьял, словно раб, которому не суждено быть выкупленным». Он проявил покорность воле настоятеля, жил любовно и смиренно в отношении остальной братии. Отпрыску боярского рода пришлось рубить дрова, копать землю, переносить камни, трудиться на мельнице, выходить в море на ловлю рыбы… От суровых условий соловецкого быта молодой Колычев одно время хворал: у него появился нарыв на плече. Но здоровый организм профессионального воина с болезнью справился.

Понимал ли настоятель соловецкий, кого Бог привел к нему в послушники? Понимал ли, какого полета птица залетела на Соловки? По всей видимости, Федор Степанович не торопился открывать свое происхождение. Ему всё еще грозило быть вырванным из монашеской среды по настоянию родни. Но даже если он и открыл игумену Алексию тайну своего происхождения, тот ни в чем не делал для него исключений.

Наконец послушнику Федору позволили принять постриг. И более не стало Федора Степановича Колычева. Он умер. Ибо монах для мира – живой мертвец. Вместо него в 1539-м или же в самом начале 1540 года появился инок Филипп.

Наставничество над новопостриженным иноком игумен Алексий отдал «…монастырскому духовну{ Очевидно, духовнику.} и знаменоносцу старцу священноиноку Ионе, зовомому Шамше (Шамину. – *Д.В.*)». Иеромонах Иона Шамин был одним из светочей обители, вторым человеком после самого настоятеля, уставщиком братии. Он назван в Житии «сопричастником» преподобному Александру Свирскому, одному из величайших учителей русского монашества в XVI столетии. Александр Свирский скончался в 1533 году, его выученик должен был помнить всю ту науку монашеского делания, которую преподал ему блистательный учитель. Через него к «новоуку» в монашестве протянулась нить от знаменитого подвижника. Как свидетельствует житие св. Александра Свирского, основателя Троицкой обители под Олонцом, ему являлась Богородица, а также Пресвятая Троица в виде трех ангелов – как в библейские времена праотцу Аврааму. Наставничество свирского подвижника вывело к духовным подвигам нескольких святых, основателей монастырей. Иона Шамин не столь известен, как, например, преподобные Адриан Андрусовский, Афанасий Сяндомский или Макарий Оредежский, но школу он проходил ту же самую. Соловецкая община сохранила старинное предание, согласно которому Иона Шамин удостоился чудесного посещения Соловецких чудотворцев.

Таким образом, Филипп получил очень хорошего наставника, обладавшего бесценным духовным опытом.

Иона Шамин взялся за молодого монаха основательно. Под его духовным водительством Филиппу пришлось пройти исключительно трудный путь. Наставник учил его благочинию и смирению. Так, чтобы он запомнил до самой смерти главное правило иноческого быта: дни надо проводить в трудах и постах, а ночи – без сна, в молитве…

Именно этих благ искал когда-то Федор Степанович Колычев. И получил их теперь сполна. Строгость наставническая – норма для начинающего инока. Но для Филиппа это была еще и желанная норма. Очевидно, он имел склонность к тому, что другим давалось с большим трудом.

Прежде всех духовных усилий на Филиппа сваливаются тяжкие физические труды – горше прежних, которыми нагружал его игумен Алексий в послушничестве. Соловецкая обитель для абсолютного большинства монахов оборачивалось той стороной, которая очень далека от идеального скитского жительства, описанного в трудах преподобного Нила Сор-

ского. Там главным делом инока показан труд молитвенный. А нормальным делом для соловецкой братии был иной труд, его современный мирянин иначе как только каторжным не назовет. Между тем и молитвенником всякому островному монаху следовало быть неустанным.

Иными словами, рукам Филиппа и хребту его вновь досталось полной мерой… На протяжении нескольких лет он работает в поварне, потом его направляют в «пекольню» (пекарню). Инок таскает воду, тягает дрова, топит печи. Именно ко времени послушания Филиппа по соседству с хлебопеками относится одно монастырское предание, глубоко укоренившееся в среде соловецкого монашества. Старинная история, вошедшая во многие церковные издания, сообщает о том, как инок Филипп обрел за печью чудотворный образ Божией Матери; икона хранилась в обители под именем Богородицы Хлебенной, или Запечной, но в советское время исчезла{ В настоящее время известно несколько почитаемых списков с этой иконы. Один из них был обретен чудесным образом, под артобстрелом, жительницей блокадного Ленинграда.}. Однако Житие ничего не рассказывает об обретении Богородичного образа, а монастырское предание было записано в позднее время; Бог весть, сколько в нем правды.

Молитвенник из Филиппа тоже вышел изрядный. Житие хвалит его за искусство в «соборном пении».

Братия проявляла к нему самые добрые чувства: «…бысть всеми любим и почитаем, и хвалим». Очевидно, инок Филипп заработал в общине высокий духовный авторитет. Только тогда, по прошествии нескольких лет после прибытия на Соловки, он взялся за первый монашеский подвиг.

Филипп проявлял склонность к молчальничеству. Однажды он решил, что суровой жизни в стенах обители ему еще мало; он освоил всё, чему мог обучить Иона Шамин; теперь он желал испытать свои силы на ином пробном камне.

Тогда он уходит от братии, чтобы поселиться в лесу, на расстоянии нескольких верст восточнее монастыря. Здесь, в одиночестве, в полном молчании, Филипп ведет «крайне жестокое житие», изнуряя себя всенощными молитвенными стояниями. Вместо подушки он использует камень.

В наши дни участок леса, где четыре с половиной столетия назад подвизался инок Филипп, именуют Филипповой пустынью, или, иначе, Иисусовой пустынью. Основанная в XVI веке, она до нынешних дней особо почитается на Соловках как место молитвенного уединения. Правда, от деревянной келейки инока Филиппа ничего не осталось.

По воззрению, распространенному в иноческой среде, тот, у кого лежит душа к особенным подвигам, привлекает особенное внимание сил враждебных, нечистых. К нему подступают бесы, приходится держать духовную оборону от их нападок со всех сторон. Сложно тут не соблазниться, не впасть в прелесть. Истинный по движник, особенно пустынник, – большая редкость в иноческой среде. Причем не только сейчас, но и в древности.

Филипп явно удалился на длительный срок не без благословения, всё выдержал и вернулся в «киновию», завоевав всеобщее уважение. Теперь за ним признавалось право высказывать суждения по важным предметам иноческой жизни, и к словам его прислушивались. Вскоре настоятель сделал Филиппа своим «споспешником», иначе говоря, помощником, доверенным лицом. Вероятно, после возвращения из лесной кельи Филипп поднялся на высшую ступень монашества: принял великую схиму. В дальнейшем Житие именует его старцем.

Соловецкая братия видела в Ионе Шамине Божий дар пророчества. Одно из его пророчеств касалось ученика. Всмотревшись в Филиппа духовным взором, Иона Шамин сказал: «Он будет настоятель во святой обители сей».

Так и вышло.

Соловецкий настоятель Алексий постепенно изнемогал под грузом лет и нездоровья. Ему всё труднее было справляться с многочисленными обязанностями главы большого монастыря. Он надеялся передать игуменский сан Филиппу, прекрасно показавшему себя в «начальных службах», уважаемому братией, прожившему в обители девять лет. А передав, до скончания века жить «особно», отдыхая от трудов.

Но для Филиппа настоятельская власть представлялась остро нежеланной. Создались обстоятельства, крайне неприятные для обоих.

Алексий, как сообщает Житие, «благословляет и молит» Филиппа «на свое место игуменом». Слово «молит» в данном случае надо понимать как «умоляет», то есть настаивает и упрашивает Филиппа принять сан против его собственного желания.

Тот отказывается. И, видимо, проявляет большую твердость.

Тогда игумен собирает всю братию и обращается к ней с вопросом: «Меня старость к земле клонит и мучают недуги, так скажите же, кого хотите видеть в настоятелях после меня? Кто будет благоуправно окормлять вас, когда я уйду?» Ни у кого не возникает мнения, что есть более достойный преемник Алексию, чем инок Филипп. Его хвалят за большой разум, духовные знания, способность к наставничеству. Алексий пожимает плечами: «Как мне с вами не согласиться? Думаю о том же». Он рассказывает всей общине о нежелании Филиппа принять власть над обителью и просит монахов обратиться к нему всем миром. «Потом же и вся о Христе братия молят его, дабы повинулся игуменскому благословению и не презрел моления их, еже правити святое место и пещися о спасении братства. Видяху бо его вси всеми добродетельми украшена и могущи спасти словесныя овца. Он же отрицашася такого начинания».

Инок Филипп упорно отвечал всем: «Я недостоин».

Тогда игумен приступил к нему с суровыми словами и повелел принять сан под угрозой наказания. Филипп вынужден был согласиться.

Откуда столь упорное сопротивление?

Явно, дело не только в скромности Филиппа. И даже не только в том, что он с большими усилиями переделал себя, обратился из блестящего дворянина в аскета, молчальника, образцового монаха. Конечно, совмещать игуменские обязанности с тем способом жизни, который он избрал себе, невозможно. От внутренней сосредоточенности, от концентрации на молитве и богомыслии придется надолго отказываться, чтобы блюсти жизнь всей братии. Но… только ли такова причина? Филипп – инок, солдат духовной армии. Ему начальник его, настоятель, велит принять игуменство. Так, изложив резоны своего нежелания и все-таки услышав повторный приказ, уместно повиноваться. Прочее же выходит за пределы нормы монашеской жизни.

Филиппа признавали пригодным для наставничества. Если так, то он уже давал примеры подобного рода деятельности, – братии было по чему судить. Но тут Филипп отрекается от роли наставника, отрекается с необыкновенным упрямством. Для его согласия требовалось прошение всей братии и угроза игумена.

Как видно, дело в том, что сам Филипп уже задумывался об игуменстве на Соловках. Примерил на себя новые тяготы и увидел ясные резоны для отказа. Для твердого отказа. Какие же?

Вся последующая деятельность Филиппа на игуменском месте резко отличается от того, как управляли Соловецким монастырем его предшественники. Он, человек с опытом богатого помещика, управлявшегося с большим хозяйством, видел возможность и благость перемен, какие требовалось произвести в обители. Видел также масштаб необходимых нововведений. Знал, что способен справиться с этой работой.

Но столь же хорошо понимал, с каким противодействием придется ему столкнуться.

Соловецкая братия привыкла к определенному образу жизни. Хорош он или плох, хороши ли перемены, дурны ли, а привычка производит давящее действие на умы людей. Филипп мечтал сломать старый тихий уклад выживающего монастыря и превратить обитель в процветающую, обеспеченную всем необходимым, украшенную величественными храмами.

Однако братия-то не могла заглянуть ему в мысли и не знала, каких он способностей человек. Филипп, всю жизнь утверждавший дух евангельской любви, предвидел шатания среди Соловецких иноков, прозревал раздоры и сомневался: да стоило ли ради великих целей поколебать добронравный мир в общине? Не лучше ли та размеренная любовь, пронизывающая скромный быт иноков, чем новая жизнь, в основу которой ляжет непокой?

Потому и отказывался столь долго.

Добр был к другим. Себе склонялся отказать в совершении больших замыслов, лишь бы не утеснять братию.

Но в конечном итоге Филипп отступил. Покорился тому, к чему вел его Сам Господь. Дальнейшее сопротивление было бы странно и даже неприлично.

Теперь иноку Филиппу, нареченному игумену, предстояло ехать на материк для поставления в сан у архиепископа Новгородского. Братия избрала сопровождающих, казначей выдал немного серебра на расходы, и монастырский карбас, приняв группу людей в бедных рясах, со скудными харчишками в дорожных мешках, отправился в плавание на полдень. Игумен, крестя на прощание Филиппа, со вздохом напоминал: «Просите у владыки милостыньку… Хлеба нам не хватает».

Сам Алексий не решился покинуть обитель. Как видно, ему не хватало здоровья для трудного плавания и длинных пеших переходов.

В ту пору на кафедре Новгородской пребывал архиепископ Феодосий, занявший ее после ухода мудрого книжника Макария на митрополию.

Феодосий смотрел на Филиппа с недоверием. Почему не явился сам игумен? Одобрил ли он возвышение этого человека? Да и кто он таков, никому не ведомый на «большой земле» инок Филипп? Говорят, из бояр… Да бес ли его лукавый видел, из каких-таких он бояр!

Но посланцы братии, пришедшие вместе с Филиппом, подтвердили: «Владыка святый, молит тя собор Соловецкиа обители, да поставиша нам во игумены посланного с нами старца Филиппа».

Архиепископ высказал желание побеседовать с ним особо. При Феодосии Соловецкая обитель уже слыла крупной и важной. Допустить на игуменство малограмотного человека было бы неправильно. Давний предшественник Феодосия по Новгородской кафедре, архиепископ Геннадий, за несколько десятилетий до того жаловался горько: приведут к нему прихожане человека для возведения в поповский сан, а он едва бредет по Псалтыри… Как доверить такому приход? А тут не простой приход, но прославленный монастырь… нужно подходить с разбором.

Владыка расспросил о Филиппе в подробностях, но не услышал ничего худого.

Явившись на испытание, Филипп смиренно приветствовал Феодосия глубоким поклоном. Тот благословил его и усадил, а вслед за тем принялся проверять познания соловецкого выученика в Священном Писании. Филипп, человек книжный, отвечал «вся по ряду», то есть не допускал ошибок. Морщины на лбу владыки понемногу разгладились. Он понял, что соловецкая братия привела к нему достойного преемника старому Алексию.

С легкостью в сердце Феодосий поднялся из епископского кресла и велел позвать приехавших с Филиппом иноков. Когда тех привели, владыка сообщил им, что нашел присланного старца «искусна суща» в духовных знаниях и «могуща паствити словесное стадо». На глазах у ликующих посланцев соловецкой братии Феодосий совершил поставление

Филиппа в сан. А закончив, обратился к монахам, которые с этой самой минуты должны были повиноваться новому игумену: «Се отец ваш! Имейте его во Христов образ! Со всяким послушанием покоряйтеся ему!»

Произошло это не позднее лета 1544 года.

После того как «посольство» к Новгородскому владыке вернулось домой, произошел странный и даже загадочный эпизод в жизни Филиппа. Как ни вчитывайся в Житие, а всё-таки нет в нем достаточного объяснения случившемуся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.